

МВФ против фрагментации

Уже несколько лет лозунгом МВФ является борьба с «*геоэкономической фрагментацией*», и в этом его поддерживают Всемирный банк, ВТО и ЕЦБ. Геоэкономическая фрагментация – это реакция на тридцать лет интеграции рынков. Одно из определений МВФ указывает на геоэкономическую фрагментацию как на «*политически направленный разворот глобальной экономической интеграции, часто обусловленный стратегическими соображениями*», такими как национальная безопасность, геополитическое соперничество или желание стимулировать внутреннюю экономику.

Кампания МВФ призвана, с одной стороны, подчеркнуть последствия замедления глобализации и идеологического кризиса либеризма, а с другой – осудить превращение торговой и промышленной политики в оружие экономической войны и отказ от *многосторонности* в международных отношениях. Первым адресатом этой критики является Вашингтон с его попытками воспрепятствовать посредством торговых барьеров и запретов иностранным инвестициям и экспорту передовых технологий в восходящий Китай и сближению обширной группы «развивающихся» стран в рамках Нового Шёлкового пути.

Барьеры и блоки

Кампания МВФ интенсифицировалась, когда линия Белого дома вышла за пределы спора с Пекином по поводу этих барьеров и начала приводить к созданию противоборствующих блоков: эта линия ставит под угрозу саму роль и функциональность картельных органов унитарного империализма, среди которых МВФ является центральным столпом. Раздел мира, предложенный в 2022 году министром финансов Джанет Йеллен, между «дружественными странами» («*friendshoring*») и другими, чтобы провести границу в стратегических обменах, похоже, был вдохновлён предупредительным выборочным протекционизмом. Однако в его генах заложена метаморфоза, подходящая для возникновения дуализма *друг/враг* и знаменующая переход от кризиса порядка к разрушению порядка.

Директор МВФ Кристилина Георгиева в статье в *Foreign Affairs* от сентября – октября сетует на «*тревожное отсутствие чувства срочности*» перед лицом «*волны фрагментации*», которая предвещает дальнейшее снижение темпов глобального роста – а уже сейчас он находится на самом низком уровне «*за последние три десятилетия*». По её оценкам, торговые барьеры в долгосрочной перспективе могут сократить ВВП на 7 %, в то время как более широкое распространение протекционизма и технологического декаплинга приведёт к сокращению ВВП некоторых стран на 12 %. Мир рискует столкнуться с «*дальнейшим распадом на конкурирующие экономические блоки*».

Это неудивительно для марксистов. Подтверждается динамика империализма: глобальная экспансия промышленных и финансовых гигантов с масштабными инвестициями, приобретениями и неустойчивыми соглашениями; картели и коалиции в рамках сотрудничества или конкуренции, направленные на «справедливый» передел глобальных рынков и ресурсов; военное насилие государств, применяемое, когда изменения нарушают баланс существующих отношений, а политика компромиссов заходит в тупик.

Всё это превосходно резюмировал Мартин Вулф в одном из октябрьских номеров *Financial Times*: «*Мы живём в эпоху великих вызовов и явной неспособности противостоять им. И оставшееся время становится всё короче*».

Издержки фрагментации

В мае 2023 года МВФ организовал конференцию, посвящённую теме геоэкономической фрагментации. Centre for Economic Policy Research (CEPR), важный европейский центр по изучению экономического развития, базирующийся в Лондоне, но после брексита объявивший о своём предстоящем переезде в Париж, опубликовал около 15 материалов на эту тему. Целью конференции был анализ экономических аспектов и издержек фрагментации. Представители МВФ поддерживают два общих политических тезиса: геополитическое соперничество подрывает и разрушает отношения, построенные в годы глобализации и многосторонности; коалиции, образовавшиеся в ООН во время голосования по поводу российского вторжения на Украину, являются прообразом противоборствующих

блоков грядущего империалистического конфликта и используются статистиками МВФ для измерения экономических издержек.

Расчёты ожидаемых потерь основаны на сводных данных, представленных Георгиевой, и базируются на математических моделях, которые, правда, содержат большую степень неопределённости; главный экономист МВФ Пьер-Оливье Гуриша признал, что эти количественные прогнозы являются лишь первыми попытками. По оценкам, общие потери, вызванные френдшорингом, составят 4,6 % ВВП, особенно это затронет страны, которые имеют большую взаимозависимость с обоими блоками – американским и китайским. В сценарии резкого декаплинга благосостояние населения упадёт на 15 % и более в некоторых регионах (особенно в Индии и странах восточного блока) из-за падения производительности труда и распада ранее существовавших торговых и технологических связей.

Некоторые публикации интересны тем, что исследуют финансовые тенденции, скрытые за ширмой геоэкономической фрагментации, другие – в силу того, что они содержат превентивный подсчёт ущерба, который явно служит сдерживающим предупреждением, подчёркивающим противоречивый характер процесса и его наименее предсказуемые проявления.

Финансовая фрагментация

Шекхар Айяр, глава отдела многостороннего надзора МВФ, перечисляет подводные камни международной валютной системы.

Во-первых, запрет на использование *платёжной системы SWIFT* российскими банками после вторжения РФ на Украину ставит перед другими странами вопросы о надёжности SWIFT и необходимости создания параллельных систем для транзакций. Во-вторых, *цифровизация* валют, которая могла бы облегчить валютный обмен в нормальных условиях, в условиях фрагментации может поставить под угрозу системы регулирования и надзора. В-третьих, роль *доллара* в финансовых санкциях подталкивает к ограничению использования валюты США и номинированию некоторых сделок в других валютах. В-четвёртых, существует риск замены финансовой глобализации *финансовой регионализацией*, что ослабит международное распределение рисков и станет источником более серьёзных кризисов.

Наконец, геоэкономическая фрагментация может изменить спрос и предложение ресурсов *глобальной системы финансовой безопасности*, то есть валютных резервов, в том числе ресурсов МВФ и других антикризисных механизмов, которые за последние 25 лет увеличились в восемь раз и спрос на которые из-за фрагментации будет даже возрастать. Разрешение кризисов усложнится ещё и потому, что за последнюю четверть века глубоко изменился состав международных кредиторов, особенно правительственных: доля кредитов членов Парижского клуба странам с низкими доходами сократилась с 39 до 12 %, в то время как доля государств, не входящих в Парижский клуб, в основном Китая, увеличилась с 8 до 22 %, и последние продемонстрировали, что у них есть возможность влиять на переговоры о реструктуризации долга.

Вдумчивая полемика

Критику чрезмерной драматизации геоэкономической фрагментации возглавил Брэд Сетсер, бывший высокопоставленный чиновник Министерства финансов США, член CFR и исследователь международных потоков капитала. Он подверг сомнению тезис заместителя директора департамента денежно-кредитных систем и рынков капитала МВФ Марио Каталана, который выдвинул гипотезу о том, что растущая геополитическая напряжённость приведёт к мощным последствиям в виде финансовой фрагментации через трансграничное перераспределение капитала. В поддержку этого тезиса Каталан вспомнил драму движения капитала, поразившую страны, которые в марте 2022 года в ООН отвергли осуждение российского вторжения на Украину. В этих государствах трансграничные банковские потоки упали на 20 % по сравнению с довоенным уровнем. Потери России от санкций составили 70 %. Сетсер возражает на это, что на основе панических действий во время финансового шока нельзя делать никаких обобщений. Банки США также ограничили кредитование американского бизнеса, когда Трамп начал тарифную войну против Китая.

Сетсер, по сути, оспаривает тезис о существовании почти автоматического соответствия между геополитической и финансовой фрагментацией. Стоит отметить один из его аргументов: Россия, Китай и страны Персидского залива имеют профицит торгового баланса, тогда как страны Западного блока в целом – дефицит. Это неверно: Германия, Япония, Корея – страны с большим профицитом. Но это не отменяет наблюдения Сетсера, который утверждает, что *«глобальный платёжный баланс требует крупных и исторически беспрецедентных финансовых потоков между геополитическими блоками»*. Эти потоки, в отличие от известных потоков, связанных с официальными покупками казначейских ценных бумаг, не фигурируют в двустороннем учёте стран. *«Профициты Китая и России просто слишком велики, чтобы не способствовать частичному финансированию США и Великобритании»*. С другой стороны, утверждает Сетсер, сила доллара свидетельствует о наличии потоков между державами-соперниками. Возможно, “спокойный американец” хотел напомнить, что пути капитала неисповедимы.

Амбивалентная торговая война

Выступление Кэролайн Фройнд, декана и профессора экономической политики в Школе глобальной политики и стратегии Калифорнийского университета в Сан-Диего и бывшего главного экономиста Всемирного банка по Ближнему Востоку и Северной Африке, вызывает интерес уже самим своим названием – *“US-China decoupling: Rhetoric and reality”*. Её тезисы можно резюмировать в пяти пунктах.

Первый. Доля Китая в импорте США начала снижаться ещё в 2018 году; с тех пор по 2022 год она упала с 21,6 до 16,3 %, потеряв более 5 процентных пунктов. В секторе высокотехнологичной продукции падение было ещё более драматичным: с 36,8 % в 2017 году до 23,1 % (-13 процентных пунктов).

Второй. Снижение доли Китая произошло за счёт товаров, на импорт которых повлияло повышение тарифов Трампа, подтверждённое позднее Байденом, в то время как доля других импортируемых китайских товаров выросла почти на треть.

Третий. Потеря Китая была частично компенсирована за счёт других азиатских стран, в первую очередь Вьетнама, который получил 2 % импорта США, Тайваня (1 %) и Канады, Мексики, Индии и Кореи, имеющих несколько меньшую долю.

Четвёртое. При этом США не увеличили степень диверсификации своего импорта.

Пятое. Страны, которые увеличили свою долю в импорте США, также увеличили свой импорт из Китая. То есть, чтобы заменить Пекин в роли экспортёра в США, они вплелись в производственные цепочки Китая. Этот факт согласуется с идеей о том, что отказ США от китайского импорта в своих стратегических секторах, возможно, не уменьшил зависимость Вашингтона от Пекина в той степени, о которой говорили первоначальные данные, а углубил косвенные связи между Китаем и Соединёнными Штатами.

Октябрь 2023 г.